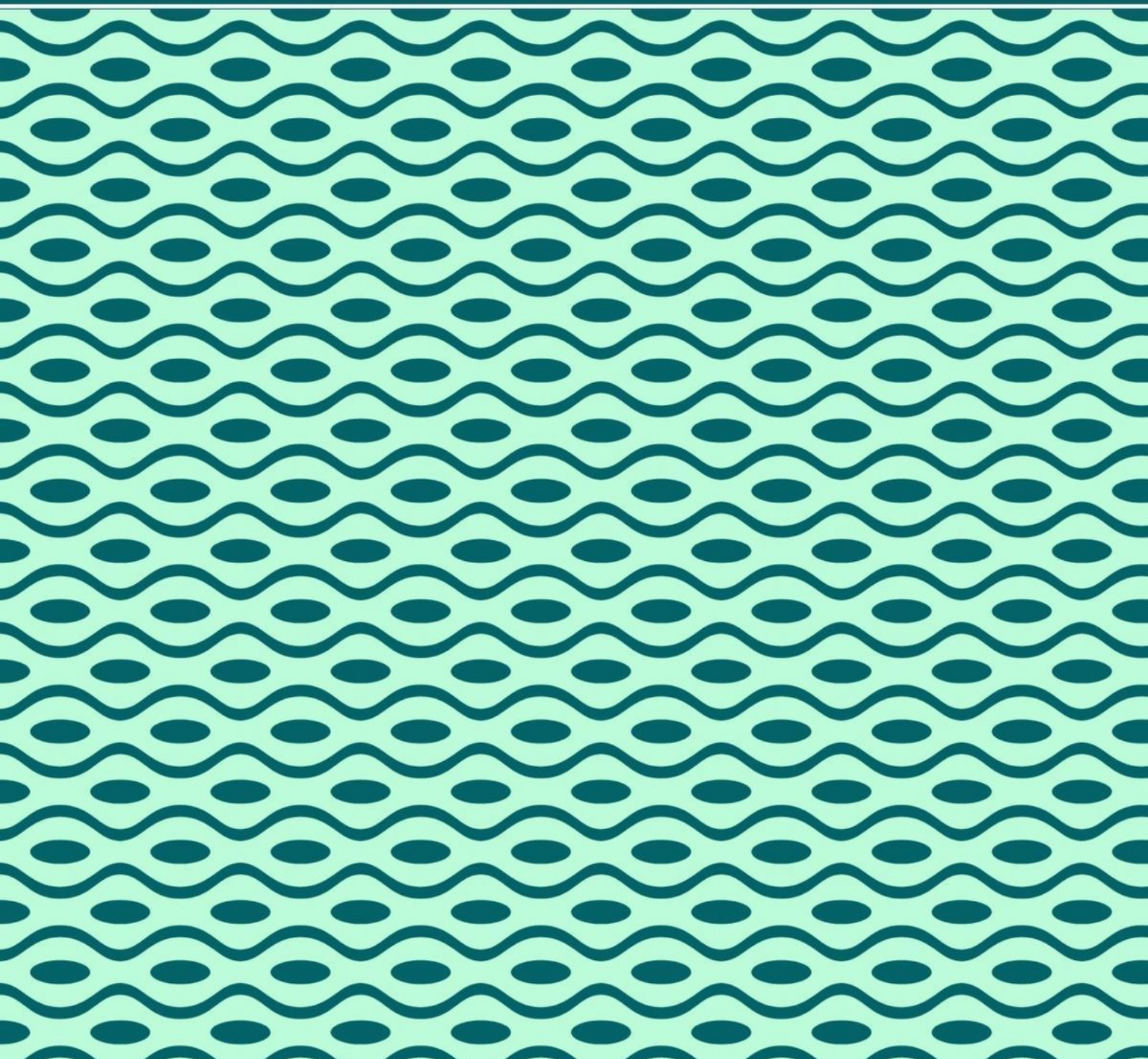

Нина Николаевна Эннина

Рассказы

Нина Эннина

Рассказы

«Издательские решения»

Эннина Н. Н.

Рассказы / Н. Н. Эннина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-4498-8368-1

Книга содержит рассказы о повседневной жизни современных молодых людей, их взаимоотношениях с родителями, сверстниками, выработке жизненных принципов, поиске решений в сложных ситуациях.

ISBN 978-5-4498-8368-1

© Эннина Н. Н.
© Издательские решения

Содержание

Н. Эннина	6
ДЕД	7
ОБИДА	10
ОБРАЗ ОНЕГИНА	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Рассказы

Нина Николаевна Эннина

© Нина Николаевна Эннина, 2020

ISBN 978-5-4498-8368-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Н. Эннина

Рассказы

Книга содержит рассказы о повседневной жизни современных молодых людей, их взаимоотношениях с родителями, сверстниками, выработке жизненных принципов, поиске решений в сложных ситуациях.

Содержание

Название рассказа	№ стр.
Дед	1 - 5
Обида	6 - 11
Образ Онегина	12 - 28
Одна минута	29 - 37
Сестра	38 - 49
Танцор	50 - 66

ДЕД

Денис, симпатичный, общительный парень, студент 3 курса института, впервые пригласил Лену на дачу. Они дружили, но серьезных отношений у них не было. Лена не до конца ему верила, так как считала, что она ему не пара. Денис, почти звезда группы, имел кучу знакомых, друзей, всегда был в центре внимания, легко, при этом хорошо учился. Лена не считала себя красивой, даже симпатичной, у нее была только одна подружка, которой ей, впрочем, хватало для общения, с ней они всегда садились на лекциях, занимали друг другу очередь в буфет, имели общих знакомых. Правда, она тоже хорошо училась, так как была начитана и серьезно относилась ко всякому важному делу.

В электричке они сели друг напротив друга и сначала болтали ни о чем, обсудили нового преподавателя, сошлись во мнении, что летняя сессия в этом году не такая уж трудная, но постепенно темы иссякли и они замолчали, оба испытывая неловкость от этого. Денис уже начал немного сожалеть, что пригласил именно Лену. – Так и будем молчать все время, – подумал он. Она же, как всегда просто немного стеснялась его, боялась сказать что-то не то. Но, выйдя на остановке и шагая через лесок к нужному дачному обществу, он вновь оживленно начал рассказывать ей, что теперь на дачу они ездят редко, родители не садоводы, чтобы уж совсем не запустить участок, они второй год приезжают весной, сажают что-то, за лето приезжают сюда несколько раз и осенью, убрав с грядок что выросло, уезжают до весны. Она узнала, что последние 15 лет здесь чуть ли не круглый год жил их дед, отец матери, после смерти жены и выхода на пенсию, он увлекся дачными делами, все что-то строил, перестраивал, улучшал, применял различные способы посадок. Он с родителями иногда ездил к нему, они помогали вскопать землю весной, приезжали летом на клубнику, осенью помогали убирать урожай. Но дед полтора года назад умер, и они подумывают дачу продать. А ему надо порыться на втором этаже и кое-что найти.

Дачный домик был небольшой, но какой-то уютный, «веселенький». Калитка хоть и не новая, но крепкая и прочная, с железными завитушками наверху, такими же завитушками были украшены наличники на окнах. Стены дома были выкрашены в желтый цвет, а крыша и веранда в более темный -бежевый.

– Отдыхай, – предложил он девушке, плавным жестом руки обведя участок, как бы отдавая его ей во владение. Он открыл ключом дверь и вошел в дом, а она прошла по дорожке внутрь к грядкам и кустам. Открывшийся ей вид производил слегка двойное впечатление – с одной стороны было видно, что когда-то здесь был идеальный порядок: грядки ровные и не очень высокие, со всех сторон были огорожены одинакового размера дощечками, кусты по краю участка не заросли травой, так как земля под ними была устелена специальным, темным материалом, Лена забыла, как он назывался. Деревья были пострижены и стояли поодаль друг от друга, не мешая другим растениям и не затеняя им солнце. С другой стороны кое-где, особенно по краям, виднелась нескошенная трава, грядки хотя и не сильно, но все же заросли сорняками.

Недалеко от дома стояла беседка, тоже ухоженная, со всех сторон обсаженная цветами. Лена подошла к ней и опять убедилась, как добротна и с любовью было все сделано в ней. Ступеньки с перилами по бокам, дверь почти полностью застекленная, была удивительно легкой, хотя внешне выглядела основательной и даже массивной. Она села на лавку и огляделась – веранда была шестиугольной формы, полностью застекленная, но три окна открывались, причем каждое состояло из двух створок, рамы были покрыты лаком и украшены резьбой. – Как в сказочном домике, – подумала Лена. Все было подогнано, ловко и умело сочеталось между собой. Бросалось в глаза, что почти все было не столько сделано самостоятельно, сколько доделано, доведено до ума для удобства и красоты.

Из дома вышел Денис, – так и не нашел, – слегка расстроено сказал он, – все-таки, наверное дома на антресолях. Ну как тебе? – поинтересовался он, усаживаясь напротив. – Слушай, – кто все это сделал? Дед? – спросила она. Получив утвердительный ответ, Лена восхищенно, иногда жестикулируя, выложила ему свои впечатления от увиденного на даче. – Я вообще не могу припомнить, чтобы где-нибудь я увидела, даже не увидела, а почувствовала такой симбиоз вещей, предметов. Он у тебя кем работал – строителем, дизайнером? – И, не дожидаясь ответа, она продолжила свою мысль – я впервые поняла выражение «вложить во что-то душу». Здесь во всем его душа – дорожка сделана так, чтобы невозможно было на ней споткнуться, щеколда приделана так, что за нее невозможно зацепиться. Я его не видела, но он у тебя точно был добрый и веселый человек, – закончила она. Пока она говорила, Денис смотрел на нее внимательным, слегка озадаченным взглядом. Он не ожидал такой реакции от Лены и даже растерялся, поначалу не зная, что на это сказать. – Ну да, дед был отличным человеком, – подтвердил он. Ее слова задели его глубже, чем он ожидал. Чтобы справиться с пока непонятными эмоциями, вызванными ее словами, он сказал, что гостей угощают чаем, и он пойдет и посмотрит, что там у них есть в доме. Что-то зацепило его в ее словах и он, поставив на плитку чайник, споласкивая кружки, доставая сахарницу, пытался понять, что не так. Он осмотрел веранду, где много раз бывал, но вдруг увидел, что и правда, почти каждый предмет, каждая вещь связана с дедом напрямую. Это он приделал полочку над столом, где-то достал и ввел в обиход расписанные берестяные солонку, сахарницу, хлебницу. В шкафу лежали мешочки с засушенными травами. Сбоку к столу была приделана ножеточка, а на стене висело деревянное блюдо с нарисованным, будто детской рукой, улыбающимся солнышком, которое повесил он еще в детстве Дениса. – Он был отличным человеком, – повторил он про себя, – но говорили ли мы ему об этом, чувствовал ли он, что его любят. Он взял одной рукой вскипевший чайник, другой – кружки и сахарницу и понес в беседку. – А вот к чаю я почему-то не додумался ничего купить, – заявил он, разливая кипяток в кружки с пакетиками чая. – Ну ничего, попьем с травами – так всегда дед делал, пояснил он и пошел в уголок дачи, где тот всегда срывал мяту и еще какие-то специальные, лечебные растения. Денис слышал где-то краем уха, что полезными травы бывают засушенные, но и свежие давали терпкий, глубокий аромат. Возвращаясь обратно с листочками мяты в руке, он наткнулся взглядом на небольшое детское креслице, которое дед смастерил ему, когда тот был маленьким. Что-то опять толкнулось у него в груди, и он быстро отвел взгляд. Выпив чай, он не очень уверенно предложил Лене пойти в дом, отдохнуть, или покачаться на качелях. Лена с улыбкой отказалась и Денис с внутренним облегчением позвал поехать обратно в город. – Если они поторопятся, – сказал он, – то еще успеют на дневную электричку, потому что потом будет перерыв до вечера. Перед уходом он нарезал ей цветов с клумбы, так всегда делал дед перед его с родителями, отъездом, аккуратно повесив после этого ножницы на гвоздик под навесом, где они всегда висели. – А почему ты меня позвал на дачу, – спросила она его по дороге назад. Он внимательно посмотрел на нее, но ответил шуточно, – хотел тебя поэксплуатировать, думал, что никто лучше тебя не справится с сорняками.

– Она на секунду задержалась на месте, не поняв шутит ли он, – ну так что ты не сказал, я бы... – но он рассмеялся, – ты что, с ума сошла, – и добавил опять для нее непонятное, – хотел тебя поближе узнать.

Они успели на электричку и там, сидя рядом с ней, он подумал, что не зря пригласил ее на дачу, поездка как-то сплотила их, сделала ближе, объединив как будто какой-то тайной. Лена рассказала о своей маме, что она очень хорошая, добрая, но у нее астма. Он, в свою очередь рассказывал ей о деде, кем он работал, какие у него были увлечения, вспоминал случаи из жизни, связанные с ним. – А знаешь, что я поняла, – сказала Лена, – как важно все делать в жизни искренне, вдумчиво, с умом, стараться делать то, что тебе нравится делать. Она добавила, что если они пойдут в школу, (а они учились в пединституте, на физмате) то надо так

преподавать детям, чтобы они полюбили твой предмет, понимали его не хуже тебя. Остаток дороги они молчали, но это было не разделяющее их молчание, а объединяющее.

Дома он достал альбом с семейными фотографиями, посмотрел на свои детские фото, совместные с дедом и родителями, вспоминал, что говорила Лена и, как занозу в пальце, отыскал то, что его встревожило на даче, что было не так. Они никогда не говорили деду, что он замечательный. Да, это подразумевалось, с ним не ссорились, но воспринимали его заботу о них как само собой разумеющееся. Он остро вспомнил, как не раз, ненастойчиво, с полуулыбкой, он спрашивал – не останутся ли они ночевать, а утром уедут, он им баню истопит, но родители наотрез отказывались – «уж ты сам тут колдуй, в своем царстве», не хотели себя обременять и спешили домой, к телевизору, спокойствию и уюту, нагруженные помидорами, огурцами, зеленью или другими дачными овощами-ягодами по сезону. А он стоял возле калитки, не уходя до тех пор, пока их машина не скрывалась за поворотом. Денис не вспомнил ни одного случая, когда бы дед что-то попросил у них, сказал наперекор, просто обиделся. Но ведь по существу было на что обижаться. Иногда как бы невзначай он говорил, – дрова заканчиваются, – наверное, ожидая, что родители помогут, узнают где купить, как доставить, помочь разгрузить, но им было не до того. Хотя, приехав очередной раз «на природу» и увидев свежую поленицу дров, отец замечал, – что, дрова купил? – и дед, не вдаваясь в подробности, отвечал просто, – да. А два года назад, когда дед приехал к ним домой, в свою по существу квартиру, мать заметила, – ты что-то плохо выглядишь, не заболел? Но не стала уточнять, заболел ли действительно, не надо ли чем помочь, быстро перешла на другую, актуальную для нее тему и дед как всегда не стал развивать, как оказалось, очень важный для него разговор. Через несколько месяцев его не стало, а мать, на вопросы знакомых и друзей, что стало с ее отцом и почему он умер, отвечала, – да годы ведь, – и добавляла, – сердце не выдержало. А чего не выдержало, она не уточняла.

ОБИДА

Проснулась Нина с радостным волнением в душе.

– Сегодня, – подумала она, – это будет сегодня. Вера Николаевна пригласила ее подойти через две недели. И вот они прошли, и уже сегодня она понесет ей свою работу – самодельных тряпичных куколок, которых она шила все свое свободное время. Она научилась их шить у бабушки, когда еще жила с родителями в деревне. Бабушка у нее была рукодельница и шила игрушки – животных, куколок для своих детей, а потом внуков. Когда Нина была маленькая, она играла с ними, а подросла и как-то решила сама попробовать сделать таких же, у нее получилось и она увлеклась этим занятием.

Сейчас она жила в городе, в 60 километрах от родной деревни, училась в техникуме и, хотя и получала стипендию, но, несмотря на то, что тратила деньги экономно и потребности у нее были скромные, но все равно ей этих денег не хватало. Родители сами жили не богато, от зарплаты до зарплаты и почему – то решили, что раз дочь уехала учиться, стала самостоятельной, то помогать ей не нужно. Нине же и в голову не приходило попросить денег – в их семье это было не принято. Она мельком слышала от некоторых однокурсниц, таких же деревенских девчонок, что они ежемесячно получают переводы из дома, но несколько не завидовала, так как даже не пыталась представить себя на их месте. Первое время она как-то сводила концы с концами, но любая покупка чего либо, кроме еды, заставляла еще сильнее экономить на всем. На этот раз деньги у нее практически закончились неделю назад и она питалась исключительно дома, готовила себе простенькую еду из того, что было куплено про запас – в кухонном шкафу у нее было немного крупы, сахар, пачка макарон, на дне бутылки подсолнечное масло. В техникум она ходила пешком – пять остановок автобуса она проходила минут за 25. В техникумовский буфет она уже не заходила давно, хотя ее и звали с собой на переменах более состоятельные соседки по парте.

И вот сегодня она, наконец, должна получить плату за свой труд – несколько куколок в цветных платящах были заботливо уложены еще с вечера в картонную коробку. Она уже неделю предвкушала счастье позволить себе закупить продуктов, не считая заранее общую сумму, как она это делала обычно, чтобы на кассе не стореть со стыда, если чек превышал наличность ее кошелька. Кроме того Нина уже знала, в какую кулинарию она пойдет, чтобы выпить кофе с пирожным, правда с каким, заварным или корзиночкой, она еще не решила. Конечно, эти простые радости не были смыслом ее существования, и если бы кто – то спросил как она видит свою жизнь в будущем, то она, конечно, не назвала бы доступность этих удовольствий целью своих устремлений. Скорее всего, она интуитивно понимала, что в дальнейшем ее жизнь изменится в лучшую сторону – у нее будет работа, свой дом, семья и реальные возможности жить «как все».

Однако сейчас острая материальная нужда сильно осложняла ее жизнь и получение дополнительных денег являлось едва ли не основной целью и средством хоть как – то уменьшить дискомфорт бытия.

Утром, умываясь, она более тщательно, чем обычно, причесалась, подкрасила синим карандашом глаза, выбросила в мусорное ведро использованный тюбик зубной пасты (подумала – можно бы еще выжать на раз, но ничего, сегодня куплю новый), замочила в тазике несколько вещичек из белья, намылив их хозяйственным мылом, решив, что постирает вечером с порошком, который не забыть бы купить. Нина мысленно распределяла деньги, которые получит от Веры Николаевны и заранее радовалась, что хотя бы на время освободится от гнета мелких проблем.

Имея обычную, не очень примечательную внешность, Нина не переживала по этому поводу. Возможно на бессознательном уровне, исходя из деревенского уклада, она понимала,

что на всякую девушку найдется свой жених и что на ее долю придется парень, не гоняющийся за внешностью и нарядами, способный оценить ее готовность к терпеливости и женской выносливости. Уже собираясь выходить из квартиры – а она жила одна, по случаю ее пустил жить дядя по отцовской линии, выехав в длительную командировку на Дальний Восток, Нина все же ощутила некоторый внутренний холодок, который тщательно гасила в себе все утро, не давая развиться в оформленную мысль о какой-то неудаче, сбое в ее намерениях и планах.

Она припомнила, как первый раз принесла свои изделия Вере Николаевне на продажу. До этого она не раз проходила мимо небольшого киоска, где продавались всякие хозяйственные, бытовые мелочи, но однажды в витрине заметив деревянные поделки, зашла в киоск рассмотреть их поближе. Они действительно оказались самодельными, она сразу определила это на глаз и спросила откуда они. Продавщица, а как позже выяснилось и хозяйка киоска, объяснила, что эти поделки она берет на продажу у старичка, живущего неподалеку. Нина постеснялась сразу спросить, а возьмет ли та на продажу и ее сувениры, но все же решилась через несколько дней и принесла показать своих красавиц, часть которых привезла еще из деревни, а некоторых уже изготовила здесь, в городе. Продавщица слегка удивилась такой просьбе, но рассмотрев поближе будущий товар, согласилась принять на продажу пробную партию. Куколки были действительно милыми: глазки, носики и губки были вышиты нитками и имели разные выражения – от улыбающихся – до удивленных и хитреньких. Одеты они были в яркие, веселенькие платица, кофточки, пальтишки; на голове красовались затейливые береттики, платочки, а на ногах были надеты связанные сапожки, валеночки или просто носочки.

Получив первые деньги за проданный товар, а это было почти столько же сколько она получала стипендии, Нина с воодушевлением принялась за изготовление следующих партий – лоскутки ткани и моточки шерсти она привезла еще из деревни. В следующий раз продавщица сразу дала ей обговоренную сумму и приветливо пообщалась с Ниной, расспросила кто она, где работает или учится.

Получив несколько раз свой приработок, Нина уже с уверенностью смотрела в будущее и надеялась, что сможет закончить техникум не обращаясь за помощью к родителям. Ей в голову не приходило, что однажды товар у нее могут просто не принять.

Этой ночью Вера Николаевна плохо спала. Спать ей не давали тревожные мысли о муже. Вчера в очередной раз он пришел домой с работы поздно, на вопрос где он так сильно задержался, ответил что-то невразумительное и сразу ушел спать, не ужиная. Поймав жалостливый взгляд дочери, Вера Николаевна резко захлопнула дверь кухни, не захотев обсуждать уже не первую напряженную ситуацию в семье. Утром муж, как будто сердясь на что-то, не разговаривал с ней, молча поел оставшееся от вчерашнего ужина и сразу ушел, не попрощавшись с женой. А ей так хотелось обсудить вопрос ремонта в их спальне, покупку себе и ему новой зимней одежды, планы на ближайшие выходные. Где-то подальше, хоть и на втором плане, но создавала нервозность и мысль о состоянии здоровья – недавний прием у врача заставил задуматься о своем возрасте – нежели после сорока лет уже могут начаться болезни. Она не могла выбросить из головы, что в последний раз врач не ограничился результатами обычных анализов, а, рассмотрев их внимательно, назначил дополнительные более глубокие обследования, заметив впрочем, что делать какие – то предварительные заключения рано.

Не создавали условий для спокойствия и начавшиеся неурядицы на работе – постоянный поставщик товаров вдруг начал выдвигать дополнительные условия; поговаривали, что могут внести изменения в налоговое законодательство, а в строящейся неподалеку многоэтажке как будто собирались открывать сетевой магазин, где ассортимент товаров мог частично перекрывать ее основные виды продукции. Все это создавало почву для раздражительности и она пришла на работу не в настроении.

Нина, прижав коробку с дорогим для себя ценным содержимым, быстро шагала к киоску, заранее улыбаясь и придумывая, что и как она скажет Вере Николаевне – стоит ли рассказать

о письме из дома, в котором сообщалось, что в этом году небывалый урожай на грибы и что ей с оказией пришлют их в сушеном виде, которыми Нина могла бы поделиться с Верой Николаевной. Незлобивая по натуре, она обладала достаточно спокойным характером, редко сердилась на кого-либо и неосознанно ожидала этого же от окружающих.

Зайдя в киоск, она радостно поздоровалась с хозяйкой, не заметив сразу ее угрюмого вида и поставив на прилавок коробку, принялась доставать своих почти ставших подружками во время работы над ними, куколок. – Вы сказали, можно подойти сегодня, – начала она говорить, но Вера Николаевна, уже забыв о договоренности, резко отсекла ее попытки выложить товар на прилавок.

– Все, – сказала она почти грубо, – ничего не принимаем, я, может быть, закрываться скоро буду. Нина, еще по инерции улыбаясь, казалось, не поняла, что та сказала. Ей казалось это невыносимым, невозможным, чтобы вся эта столько раз тщательно обдуманная ситуация, картинка – которую она построила в своей голове и которая уже стала для нее почти материальной реальностью, вдруг рухнула в один миг. Она непонимающе смотрела на знакомое лицо женщины и почти не узнавала его – созданный в голове привлекательный образ едва ли не доброй феи вдруг предстал перед ней в виде немолодой, полноватой тетеньки, с сероватым оттенком кожи, в тесной для ее фигуры одежде, слишком короткой юбке, открывающей несоответственно худые ноги. Нина хотела что-то возразить, может быть даже попросить забрать у нее товар, объяснить, как ей это необходимо, но не могла произнести ни слова. Обрушившаяся на нее беда, а она это так и воспринимала сейчас, именно как беда, катастрофа, прибила ее, лишила возможности думать, негодовать, сопротивляться ей.

Нина сложила своих сразу ставших чужими куколок в коробку и на негнущихся ногах вышла из помещения. Она ощущала боль, обиду, вдруг ворвавшуюся в нее злость и негодование, она вмиг возненавидела эту женщину, так просто, так бесцеремонно убившую в ней ее радость, ее мечты, ее ближайшее почти счастливое будущее и не могла смириться с этим.

– Это несправедливо, это несправедливо, – повторяла она про себя. Всякие разумные доводы о том, что ей никто ничего не обещал железно, что, по сути не такой уж это удар, нужно просто подумать, как ей дальше постараться найти другой источник дохода, устроиться убирать по вечерам где-нибудь в школе или столовой – все эти мысли пришли позже. Сейчас ей казалось, что она стоит перед стеной и ее горю не поможет ничем. Полная душевная опустошенность, эти никому не нужные куколочки, ставшие ей противными заставили ее сделать то, о чем потом она жалела не раз – она бросила их в ближайшую урну, выместив на них свой гнев и свое раздражение. Позднее она почти не занималась этим рукоделием, спрятала подальше от глаз оставшихся недошитых кукол, так как их вид напоминал ей то свое первое в жизни отчаяние и разочарование в непогрешимой жизненной справедливости.

Вере Николаевне тоже было не совсем по себе от вида этой девчонки, сразу изменившейся в лице, так близко принявшей к сердцу ее отказ. Но она постаралась отмести эти мысли, оправдывая себя теми соображениями уже пожившего человека, что всех не накормишь, всем не поможешь и у каждого свои проблемы. Едва ли это событие повлияло на ее дальнейшую жизнь, но сложилась она неудачно – от нее ушел муж, развалился ее маленький бизнес, дочь вышла замуж и уехала в другой город. Так бывает.

ОБРАЗ ОНЕГИНА

Она уже несколько лет жила одна, в своем доме, за городом. Дети выросли, разъехались, при этом все же главным в ее жизни были они. Она постоянно вспоминала про них в детстве, как ходили в школу, учились в институте.

Сегодня утром, когда она ходила в магазин, ей встретилась соседка, Надежда Павловна, и в разговоре спросила, правда ли, что она, Ольга Петровна, занималась репетиторством и может подготовить к вступительным экзаменам в институт по русскому языку и сочинению. Она удивилась и пыталась объяснить, что да, несколько лет назад она готовила своих детей для поступления и те поступили, но как таковым репетиторством, она не занималась. Тем не менее, услышав это, Надежда Павловна попросила ее позаниматься с сыном: он закончил школу и собирается поступать в вуз, но они с мужем больше всего опасаются, что сын не справится с сочинением. Ольга Петровна согласилась, оговорив при этом условия, что она не ручается за результат и что денег, конечно, она брать не будет. – Ну, он Вам поможет картошку выкопать, – обнадежила ее соседка, а по поводу гарантий, сказала, что если Антон за десять лет толком, грамотно не научился писать, то рассчитывать, что за полмесяца он всему научится, глупо. Договорились, что он придет завтра, часов в десять утра.

Ее взволновал этот разговор, она уже было пожалела, что согласилась, но потом решила, что оказываться неудобно, а вспомнить свое увлечение, ей было даже интересно. Филология была действительно увлечением Ольги Петровны: она была гуманитарием, и всегда, еще со школы любила русский язык и литературу, вместо обязательных трех – четырех страниц сочинений, писала раза в два больше, а русский язык просто любила и он ей давался легко. Сын купил ей ноутбук, научил пользоваться интернетом и она, иногда попадая на странички с комментариями на какую-либо информацию, поражалась тому, насколько небрежно, неграмотно пишет современная молодежь. Хотя, конечно, среди комментаторов могли быть и взрослые, но по интонации, бесшабашности, связанной с обезличиванием авторов, ей казалось, что это молодые люди. Ее удивляло, что даже в рекламных листах, местных рекламных роликах на телевидении встречались грубые орфографические ошибки, так чуть ли не полгода в рекламном объявлении о местонахождении определенного магазина крупными выплывающими буквами указывалось, что он находится «на против» такого-то здания.

С утра Ольга Петровна нашла на полке несколько методических справочников и мысленно составила примерный план первого занятия. Антон, светловолосый, среднего роста юноша, вежливо постучался и пришел ровно в назначенное время. Она приняла его радушно, предложила пройти, не стесняться, спросила, хочет ли он чаю. Он ответил, что завтракал и Ольга Петровна решила приступить к занятиям. Первым делом она спросила, что он ожидает от их уроков, что конкретно она должна ему объяснить, на чем им лучше сосредоточиться. Антон показал несколько тестов, разработанных для поступающих в вузы и предложил поработать с ними. Ольга Петровна с интересом взглянула на задания и поняла, что она, пожалуй, справилась бы с ними. Они начали отвечать на вопросы, вернее отвечала она, но тут же придумывала аналогичное слово или предложение на это же правило и уже спрашивала, как бы ответил Антон. Она с увлечением рассказывала о применении приставок «пре» и «при», в каких случаях пишут «преклонить колени» и в каких «приклонить». Рассказала, в каких случаях пишут «в течение» и в каких «в течении». – Это настолько распространенная ошибка, ну все почти пишут неправильно. Запомни, – объяснила она, – если речь идет о времени, она сделала акцент на букве «е», значит пишем «в течениЕ», например, года, месяца, минуты, столетия, а если течет что-то конкретное, например вода, река, то надо писать и говорить «в течениИ» – «рекИИ» – протянула она последние буквы. Они остановились и на такой, по мнению Ольги Петровны распространенной ошибке, как ставить или не ставить мягкий знак в глаголах

с окончанием на «ся» – когда надо писать «остановиТся» и когда «остановиТЬся». К концу занятия Ольге Петровне показалось, что Антон доволен обучением и, скорее всего, придет и завтра. И действительно, парень поблагодарил ее, но добавил, что не понимает, какую практическую пользу может принести знание всех правил русского языка. Он добавил, что наука скоро дойдет до того, что на каждом электронном устройстве будет установлена специальная программа, которая автоматически будет править любой текст. – Вот скажите, – обратился он к своей преподавательнице, – ну как можно в наш компьютерный век изучать Пушкина и рассуждать, ну например, об образе Онегина. Ольга Петровна не сразу ответила, задумалась на минуту, но не о вопросе Антона, а о том, как, какими словами донести до него, что это не просто нужно для общего развития, а без этого просто нельзя жить. – Ну, хорошо, – сказала она, – мы обязательно поговорим об этом, но у меня есть для тебя задание, только ты его обязательно выполни. Расскажи мне завтра или через несколько дней, буквально в нескольких предложениях – чем Онегин отличается от нынешнего обычного молодого человека. Но для этого тебе надо будет, наверное, еще раз или просто первый раз прочитать само произведение Пушкина.

На следующий день они разобрались с несколькими грамматическими правилами из тестов, и Ольга Петровна спросила, – так что Онегин? – Я начал читать – ответил парень, – но я все равно не понимаю, зачем нам нужно знать о вымышленных героях да еще давно ушедшего времени. Математика, физика, химия нужны потому, что без них не построишь дом, машину, ракету, робота. География нужна потому, что надо знать об окружающем нас мире – может быть, нам придется поехать на другой материк или в далекую страну. Ну и так далее, а зачем нам читать об Онегине, Чацком, Пьере Безухове – они существовали в мире, абсолютно отличающемся от нашего. – Хорошо, – сказала Ольга Петровна, – давай подойдем к этому вопросу с другого бока. Тебе ведь надо будет писать сочинение – давай будем пробовать, заодно и ошибки грамматические поисправляем. Напиши к завтрашнему дню странички на две сочинение, скажем, на тему: мой друг. Можешь написать о реальном друге или вымышленном, каким ты его представляешь себе.

На следующий день Антон пришел не один – с приятелем Сергеем, извинился, что привел без предупреждения еще одного «ученика», как он выразился и попросил Ольгу Петровну, чтобы тот тоже позанимался с ними. Она согласилась и первым делом попросила сочинение, которое Антон должен был написать. Читая две странички текста, она старалась не показывать на лице эмоции от написанного, хотя видела стилистические, грамматические ошибки. «Неплохо» – проговорила она, но будь готов к критике, что можно и что нужно исправить, в чем-то на мой, безусловно, субъективный взгляд. Во-первых, хорошо бы тебе дать общее, ну скажем общепринятое понятие о том, что такое дружба вообще, – начала она. Даешь ли ты право на ошибки другу, какие качества в человеке в любом случае не позволят тебе дружить с человеком». Она еще перечислила несколько позиций, которые, Антону следовало бы учесть. Они разобрали стилистические огрехи, вместе проанализировали орфографические ошибки. – Подбирай синонимы словам, очень «режут» глаза одни и те же словосочетания или слова в каждом или даже через одно предложении, – сделала она вывод. – А вот как вы думаете, обратилась она к обоим парням – существовала ли дружба в нашем понимании этого слова лет двести назад? Вопрос им показался сначала слишком простым, но затем они задумались, не зная, что ответить. Или такой вопрос – продолжала Ольга Петровна – отличались ли люди двести – триста – пятьсот лет назад от современных своими чувствами, эмоциями – что у них вызывало гнев, радость, обиду, насколько глубоко они могли любить, отчаиваться, ненавидеть, прощать. Да, безусловно, они не летали на самолетах, не ездили на поездах, не разговаривали по телефону, у них не было компьютеров и интернета, но были ли они внутренне такими же, как мы. Так вот, – она радостно и даже как-то хитро рассмеялась, – я ведь опять веду к тому же Онегину. Все дело в том, что и Пушкин и Толстой и Чехов и Сервантес пишут о человеке, о его

внутреннем мире, о взаимоотношениях и чувствах людей, а только это и важно как двести лет назад, так и сегодня.

Она втолковывала им те мысли, которые сама неоднократно обдумывала, к которым пришла тоже не сразу.

– Классика, а она потому и классика, что дошла до нас через десятки лет, даже века и все потому, что писали ее люди с одной стороны талантливые, а с другой стороны честные, любящие людей, как таковых, понимающие их, проникшие в их душу. Она помогает нам понять самих себя в этом мире, окружающих, как нам жить, за что любить, за что ненавидеть, за что прощать. Об этом же пишет и хороший писатель сейчас, если он умный, честный, да еще и добрый. Вы скажете, – да мы и без них знаем, – кто друг, кто враг, что хорошо, что плохо; мы смотрим на родителей, окружающих, соблюдаем законы и общепринятые правила. Вот тут я с вами частично соглашусь, но все равно культурная подпитка присутствует и в тех, кто пишет законы, учит вас в школе, в ваших родителях. Вспомните нацистскую гитлеровскую Германию – ведь там если не весь народ, то большая часть пошла за идеей античеловеческой – «мы сами, наши вожди решают, что хорошо, что плохо – правильно убивать одних людей, чтобы другие – мы – жили лучше». Что сделали гитлеровские идеологи – они сожгли книги писателей, в которых не было антигитлеровских призывов, в них была обыкновенная человеческая правда жизни – что любой человек, будь он глупый или умный, храбрый или трус, красивый или не очень, любой национальности и цвета кожи достоин жизни. То есть немцам вбивали в головы и вбили, наконец, что норма – это убивать славян, евреев, цыган и т. д. Я тут не буду касаться идей религиозных – это очень важная составляющая культуры, но сейчас мы сузим тему и все же пока хотя бы поверхностно посмотрим на жизнь людей в социальном, гражданском, государственном разрезе. Мы сейчас живем – как и вы, наверное, оцениваете – в нормальном, выберем такое слово, мире в том числе и потому, что не запрещены, а в открытом доступе и даже пропагандируются книги Пушкина, Достоевского, Диккенса, Джека Лондона, Солженицына в конце концов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.